

Александр
БЛОК

Сочинения

Александр Александрович Блок

Памяти К. В. Бравича

«Узко-театральные, но какие живые, четкие впечатления связаны у меня с образом так неожиданно скончавшегося Казимира Викентьевича Бравича! Таких интимных, «особенных» впечатлений нигде, кроме театра, не получишь! Большое с маленьким, нездешнее с житейским, образ героя с запахом грима и пудры – все смешивается, сплетается по-особенному, образуя причудливый букет...»

**Александр Александрович
Блок
Памяти К. В. Бравича**

Узко-театральные, но какие живые, четкие впечатления связаны у меня с образом так неожиданно скончавшегося Казимира Викентьевича Бравича! Таких интимных, «особенных» впечатлений нигде, кроме театра, не получишь! Большое с маленьким, нездешнее с житейским, образ героя с запахом грима и пудры – все смешивается, сплетается по-особенному, образуя причудливый букет.

Который-то из девяностых годов (право, они так мало отличались один от другого!). Осень, дождливый день, репетиция какой-то пьесы (все равно какой) в Суворинском театре на Фонтанке. В воздухе что-то несообразное, не нюхавший и представить себе не может: Викторьен Сарду вместе с Евтихием Карповым... Пустыня. Я, студент – первокурсник – с трепетом жду в коридоре В. П. Далматова, который запишет меня на свой бенефис, а на бенефисе – прорычит роль Макбета, так, что ни одного слова нельзя будет разобрать, и никто из бывших в театре не поверит, что В. П. Далматов – очень большой артист и способен в другой вечер – не бенефисный, а обыкновенный – «ударить по сердцам с неве-

домою силой»... Теперь, впрочем, на сцене нет Макбета, нет никакого героя: сквозь открытую дверь ложи я смотрю, как по сцене ходят взад и вперед, обняв друг друга за талии, К. В. Бравич и В. П. Далматов, оба – такие партикулярные, простые и милые.

Те же года, тот же театр. Представляют «Термидор» Сарду. Одну из главных ролей играет К. В. Бравич. С каким умом, с какой тонкой художественной мерой выходит он из натянутых положений, в которые его ставит бездарный, мелодраматический автор! Помню, что он должен воскликнуть с ужасом: «В Тюльери сажают капусту!» И он произносит эти дурацкие слова так, что я до сих пор слышу его голос! На миг представляется действительно ужасным, что «в Тюльери сажают капусту». И юноша, мечтающий о том, как он поступит на сцену и будет трагиком, мечтает: вот если бы у меня был такой же толстый подбородок, как у Далматова, и такой же длинный нос, усеянный крупными рябинами, как у Бравича! В ту минуту в этом нет ничего смешного; ясно как день, что для трагедии необходимы далматовский подбородок и бра-

вичевский нос.

Потом – другие времена, совсем другие. «Субботы» у Коммиссаржевской, предшествовавшие открытию ее театра. Бравич заговаривает со всеми «новыми», сияет добродушием, посмеивается, иногда – добродушно брюзжит. Что-то чеховское в его отношении к жизни, «обывательское» даже, пока дело не касается искусства. Один милый актер нечаянно опрокидывает на него стакан с чаем. «Что это, голубчик, вы мне испортили штаны!» – с неподдельным негодованием восклицает Бравич. «Здесь хорошо, выпал снег, но холод собачий», – пишет он мне с какой-то станции Финляндской дороги. «Вот поеду отдохнуть на Сиверскую и все лето буду ходить босиком», – рассказывает он.

Уборная Бравича. Густо замазанный краской, в королевской короне, в антракте между двумя актами «Вечной сказки» Пшибышевского, Бравич пишет мне записку на получение какого-то гонорара.

«Жизнь Человека» Андреева. Бравич – «Некто в сером». В кулисах мрак, Бравич, закутанный чем-то вроде брезента, сидит на

шатком стульчике, ожидая своих слов: «Тише! человек умер!» Глаза у него – усталые, собачьи, злые (роль ему страшно не нравится). По носу текут капельки пота, мускулы лица опали, как у старика. «Жарко», – жалуется он и пытается расстегнуть свой брезент. А ведь выйдет, и будет у него «квадратный» подбородок, тускло освещенный огарком свечи, *неумолимый*, как требуется по пьесе.

И, наконец, главное, чем дорог Бравич, без чего все описанные подробности были бы только мелочами из жизни заурядной. Бравич-художник. Какая подлинная «почва», «земля» искусства, без которой всякий художнический замысел может улететь, испариться, стать невнятным для толпы и для избранных – одинаково.

«Строитель Сольнес». Она – Гильда – Вера Федоровна – опытная и зрелая актриса; но она ведь – синее пламя, всегда крылатая, всегда – летящая, как птица. И навстречу ее летящим словам раздаются эти живые, полные крови и земли, реплики строителя – Бравича.

Он совершает какую-то черную работу, *он* держит пьесу на земле, он – те густые, живые,

мягкие, скромные тона, на фоне которых особенно ослепительно сияет ее чудодейственное, вечно стремящееся улететь пламя.

В этом театре, который был рубежом двух эпох, Бравич – всегда этот *второй* элемент, эта *почва* искусства; земля, без которой не видно неба, стебель, без которого не явлен был бы никакой цвет. Это – необходимое условие культуры, и так мало до сих пор этих необходимых условий, и так вянут без них цветы воображения – самые пышные.

14 ноября 1912